

**«ТЫСЯЧИ ГОРДЫХ ОТЦОВ»: СОВРЕМЕННАЯ АФРОАМЕРИКАНСКАЯ ПОЭЗИЯ
О ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (ЦИКЛ «КРЫЛЬЯ» МЭРИЛИН НЕЛЬСОН)**

В беседе о современной поэзии, повествующей о событиях прошлого (пускай значительных и сравнительно недавних), всегда негласно присутствует намек на недостоверность, на некоторую оторванность художественного осмысления отдаленных событий от самих событий. И чем дальше отстоит произошедшее событие от пишущего о нем, тем большее недоверие испытывает читатель к той связи, которую поэт устанавливает между своим текстом и событием, очевидцем которого он не был.

Из небольшого количества афроамериканских авторов, обращавшихся к теме второй мировой войны, следует выделить современную поэтессу Мэрилин Нельсон (Marilyn Nelson, р. 1946), чье творчество не просто является данью памяти черным героям войны, но свидетельствует о непосредственной фактической связи с ними. Знакомые по рассказам и воспоминаниям жизни и судьбы афроамериканских военных стали предметом художественного осмысления. Отцом поэтессы был летчик Мэлвин Нельсон, военнослужащий ВВС США: детство Мэрилин Нельсон провела на военных базах. В окружении ветеранов второй мировой девочка чувствовала себя дочерью «тысячи гордых отцов» [1, р. 53], и этим чувством был продиктован цикл стихотворений «Крылья» («Wings») [1, р. 41 – 54] об афроамериканских летчиках-истребителях, известных как пилоты Таскиги¹.

Вторая мировая война не является центральной темой произведений Мэрилин Нельсон. Известная как поэт для детей и автор более десяти книг поэзии, удостоившаяся самых престижных литературных премий США [6, р. 248], поэтесса обращается к осмыслению военного опыта своего отца и других черных участников войны на страницах сборника «Родные места» («The Hometown», 1990) [1]. Военные стихотворения этой книги были также опубликованы в сборнике «Поля хвалы: Новые и избранные стихотворения»² («The Fields of Praise: New and Selected Poems», 1997) [8] и в нескольких антологиях афроамериканской поэзии (к примеру [9], [10]). По большей части, в том числе и из-за тематической направленности (человеческие взаимоотношения, отношение человека и общества, семейные вопросы) поэзию Мэрилин Нельсон можно назвать автобиографической [11, р. 216]. Именно обращение к своей жизни и к судьбам окружавших ее летчиков, которых автор называла мои «дяди»³, открыло Вторую мировую войну и роль ее близких в этой войне как тему для стихотворчества.

Военная и послевоенная жизнь, отображенные на фоне друг друга, представлены в стихотворениях цикла «Крылья»: «Аэродром Таскиги» («Tuskegee Airfield») [1, р. 41 – 42], «Фримен Филд» («Freeman Field») [1, р. 43 – 44], «Трое в палатке» («Three Men in a Tent») [1, р. 45 – 47], «Одинокие орлы» («Lonely Eagles») [1, р. 48 – 49], «Астроориентировка» («Star-Fix») [1, р. 50 – 51] и «Носильщик» («Porter») [1, р. 52 – 54]. Неразрывность связи с произошедшими событиями автор передает, в первую очередь, через особенности композиции. Практически все стихотворения цикла совмещают в себе два плана, речи двух героев, от лица которых ведется повествование.

Во-вторых, неразрывность связи присутствует в организации стихотворений в цикле. Каждый последующий текст продолжает предыдущий, так что вся подборка видится как одно большое стихотворение, где попеременно выступающие монологи как бы рифмуются друг с другом. В ходе этой своеобразной рифмовки, перемежающей войну и воспоминания о ней, хронологически раскрываются события: подготовка (Аэродром Таскиги, Фримен Филд), боевые действия (Одинокие орлы, Астроориентировка),

¹ Таскиги – военная авиашкола (штат Алабама), основана в 1941 году. В авиашколе было подготовлено более полутысячи чернокожих летчиков, которые в составе 99 эскадрильи и 332-го полка истребительной авиации, принимали участие в сражениях второй мировой войны (Северная Африка, Западная и Центральная Европа). «С самой лучшей стороны проявили себя 600 негритянских пилотов. <...> Черные пилоты получили 88 крестов "За отличную летную службу" (высший орден ВВС) и 800 медалей» [2, с. 40] (по другим источникам более 850). Преодолевая препятствия расовой сегрегации, пилоты Таскиги добились превосходных результатов в воздушных боях: на их счету 260 сбитых самолетов противника, из которых 3 реактивных истребителя (первые реактивные самолеты Второй мировой войны), потопленный эсминец (единственный эсминец потопленный истребителями), ни один из сопровождаемых афроамериканскими истребителями бомбардировщиков не был сбит противником. В воздушных боях погибло 64 чернокожих пилота, 332-ой полк истребительной авиации принимал участие в бомбардировке Берлина. Подробная история участия афроамериканских летчиков во второй мировой войне в книгах «Пилоты Таскиги. Герои Америки» [3], «Воздушный эшелон. Воспоминания пилотов Таскиги» [4] и «Пилоты Таскиги. Люди, изменившие нацию» [5] (последняя книга легла в основу известного кинофильма «Пилоты из Таскиги» («Tuskegee Airmen», 1995 г.).

² Стихотворения «Мое открытие поэзии», «Одинокие орлы» и «Маленькое чудо», вошедшие в этот сборник, опубликованы в антологии «Современная американская поэзия» (2007) в переводе Майи Кореновой [7, с. 45 – 55].

³ В частности в посвящении «Бертрану Вильсону, подполковнику ВВС США (в отставке) и всем моим "дядям"» к стихотворению «Носильщик» («Porter») [1, р. 52].

послевоенное положение (Носильщик). Но если непосредственным сражениям с нацистскими летчиками отведена лишь часть стихотворения «Одинокие орлы», то в каждом стихотворении цикла недвусмысленно указывается, что Вторая мировая война задолго до столкновений в воздухе с противником открыла афроамериканским летчикам второй фронт: борьбу за свое человеческое достоинство, за право сражаться. Развитие этой линии становится основным сюжетом цикла, война же становится фоном, пускай ярким и значительным.

В-третьих, ощущение недовольства преодолевается еще и тем, что автор не перегружает свои стихотворения художественными выразительными средствами, оставляя пространство живому разговорному языку, оборотам, бытовавшим в речи военнослужащих, поэтому голоса летчиков звучат так, как если бы они были записаны на пленку. Цикл, в данной связи, видится как большое интервью или репортаж, в котором репортер свои мысли и рассуждения подкрепляет конкретными примерами, рассказанными от первого лица. Монологи, диалоги героев цикла стихотворений, органично вплетенные в канву воспоминаний и рассуждений автора, создают эффект возвращения во времени, когда читатель оказывается то черным пилотом-стажером, то белым инструктором, то черным пилотом в группе товарищей, то одним из белых членов экипажа, то единственным черным навигатором в белой команде, то афроамериканцем-ветераном.

В первом голосе с легкостью узнается девочка, которая, не теряя детской наивности, по-взрослому рассказывает о тяжелых для афроамериканцев послевоенных буднях в выигравшей войну Америке. Известно, что США оказались единственной страной, чье национальное благосостояние увеличилось после Второй мировой. Однако радость победы обернулась разочарованием для многих. Первыми в числе людей, чьи иллюзии улетучились с последними выстрелами, были черные граждане Америки⁴.

Совмещение детской наивности и трезвого зрелого негодования – еще одна черта военной поэзии Нельсон. Наивность как бы олицетворяет надежды на перемены, на которые указывало признание государством роли и батальных заслуг сражавшихся в Европе и Тихом океане афроамериканцев, равно как и работавших на оборонном производстве в тылу. Но тон взрослого человека, обрывающий ребенка на полуслове, отрезвляет, дает понять, что еще и во время войны, надежды эти были безосновательными. В голосе девочки нетрудно узнать саму поэтессу. Фактически так оно и было (напомним, что Мэрилин Нельсон родилась в 1946 году, и первое послевоенное десятилетие пришлось на период ее детства).

Второй голос представляет собой собирательный образ «гордых черных людей» (Аэродром Таскиги), военных летчиков: иногда это отец, Мэлвин Нельсон, иногда это просто один из пилотов: «Джеферсон, Вильсон, Спаркс, Толивер, Вудвард, Митчел, Прайс, Лэйси, Стракер, Смит, Вашингтон, Мэриуивер, Вайт» (Носильщик). Второй персонаж бытописует реалии подготовки в летной школе, тренировочных и боевых вылетов, говорит о надеждах на лучшее время после войны, а также выказывает осознание их несбыточности. Иногда, как бы в подтверждение, к нему присоединяется голос белого собрата по оружию.

Условно в тексте практически каждого стихотворения присутствует разделение военного и послевоенного периода, первый представлен словами девочки, второй – летчиков. Композиционно это разделение выражено в приеме написания: «стихотворение в стихотворении». Условность разделения объясняется общими основными мотивами, присутствующими в текстах «отдельных» частей стихотворения. Так, белый пилот говорит о тщетности послевоенной дружбы между белым и черным летчиком (Астроориентировка), а дочь «тысяч гордых отцов» (Носильщик) вспоминает, как немецкие пилоты называли их «черными людьми-птицами»⁵ (Аэродром Таскиги).

Цикл «Крылья» открывает стихотворение «Аэродром Таскиги», повествующее о буднях летной школы, где белые разделяли мнение о неспособности черных к полетам, которое выражалось в оскорбительной фразе «летать – не ваше, обезьянки, предназначение»⁶ (*you monkeys ain't meant to fly*). Подобное же отношение исходило и от осуществлявших подготовку офицеров, чьей целью было «завалить ниггеров во время подготовки» (*to wash the niggers out*).

Монолог-описание (первая часть) заканчивается строками «вначале они должны были заработать крылья», и в подтверждение приводится конкретный тренировочный полет с участием белого инструктора и черного пилота. Повествование ведется от лица летчика. Ему во время вылета был отдан приказ об экстренном приземлении на небольшой пятючек земли. Приземление на такое пространство под силу

⁴ Исследовательница послевоенной литературы США Т.Д. Венедиктова, хотя и не упоминая об афроамериканских авторах, говорит о том, что умы писателей были заняты нравственным поражением Америки при политической победе. «Патриотические чувства, благородный энтузиазм немалой части интеллигенции разбились о роковой парадокс: выступая против фашизма, они автоматически оказывались на стороне тех сил у себя на родине, что по замашкам и принципам сами напоминали фашизм. Позже, когда антигитлеровская коалиция торжествовала победу, литература США склонна была исследовать червоточину тайного поражения нации, не военного, а морального» [12, с. 125]. Ясно, что «моральное поражение» касалось в первую очередь сегрегации.

⁵ Die Schwarzen Vogelmenschen (нем.)

⁶ Здесь и далее, за исключением оговоренных случаев перевод мой – А. Н.

только опытному пилоту, и инструктор об этом знал. Невыполнение грозило отчислением из школы, что и было, вероятно, подспудной целью. Черный пилот поэтапно выполняет маневр, но в последний момент перед приземлением инструктор отдает приказ выйти из пикирования и даже хвалит за «великолепную попытку» (*excellent approach*). К его удивлению черный пилот бесстрашно доводит маневр практически до конца.

Однако было понятно изначально, что для взлета разгонной полосы должно быть больше, чем для приземления. И когда инструктор спросил, как бы они взлетели в случае реальной экстренной посадки, то получил немного дерзкий ответ: «Сэр, мне было приказано приземлиться, а не взлететь». Дерзость дерзостью, но смелость уважается даже у противника, а не только у собрата по оружию. Поэтому инструктор, улыбнувшись, говорит, что «парень, если твоя задница также тверда [как вариант – «крепка»] как и твоя голова, то ты далеко пойдешь в этом мире» (*Boy, if your ass / is as hard as your head, / you'll go far in this world*). Этими словами белый дает понять, что прежде чем наступят лучшие времена для черного летчика, ему придется многое вынести. Отдельной линией в цикле проходит изменение отношения белых военнослужащих к черным солдатам: от издевательств до уважения, от настороженности до признательности, от ненависти до дружеских чувств.

Иллюстрацией тотальной дискриминации и унижений служат события, описанные в стихотворении «Фримен Филд»⁷. В частности, приводится реальный случай, когда черных офицеров на базе, куда их только что перевели, прикомандировали к столовой для солдат. Позже командованием базы было озвучено заявление: «если мы не допустим смещения негритянского и белого офицерского состава, то количество происшествий сократится на два и два десятых процента» (*if we do not allow / Negro and white officers to mix / the accident rate will go down two / and two-tenths / percent*). Афроамериканские офицеры отказались подписывать заявление, за что были арестованы и доставлены в Годманд Филд, штат Кентукки. Там они должны были отбывать наказание под домашним арестом, но, по иронии, в квартирах для офицерского состава базы, на которой также располагались немецкие военнопленные.

Мэрилин Нельсон опускает реальное активное силовое сопротивление, благодаря которому афроамериканские офицеры и попали под трибунал. В этом стихотворении во второй раз за весь цикл появляется мотив смеха. И, если в «Аэродроме Таскиги» смех был связан с шутивным прозвищем черной летной группы «Призракваффе» (перевод – М. Коренева) или «Лихачваффе» (*The Spookwaffe*⁸), то в «Фримен Филд» смеются немецкие пленные, подчеркивая скорбное заключение черных офицеров ВВС США, «подготовленных для борьбы с нацистами».

2,2%, высчитанных командованием, а скорее всего выдуманных автором, отсылают читателя к роману «Уловка 22» или в другом переводе «Поправка 22» («*Catch 22*») Джозефа Хеллера. Нелепость этих цифр, так же как и поправка-22, апофеоз абсурда, согласно которому человек становится марионеткой самых бессмысленных распоряжений, действий командования, постоянно меняющихся правил игры, символ нелепости ситуации, в которую попали афроамериканские военнослужащие.

В следующем стихотворении (Одинокие орлы) Мэрилин Нельсон прямо указывает на «Уловку 22». В переводе М. Кореновой «Первородной уловкой было / в Америке быть черным, / чего ж удивляться / «Уловке 22» (*Being black in America / was the Original Catch / so no one was surprised / by 22*). Автор использует плохо поддающийся переводу каламбур, заменяя в выражении «первородный грех» (*Original Sin*), используемом западным христианством, слово *grax* на слово *уловка*, получая таким образом следующий смысл: черный виноват уже в том, что родился черным, и этот вменяемый ему в вину «грех» не нажитый, не сознательный, а врожденный (*original*), поэтому «никто не удивился уловке 22», так как черным она знакома очень давно.

Стихотворение «Одинокие орлы» самое, пожалуй, трогательное стихотворение цикла. Несмотря на сегрегацию, палатка, кабина самолета, полосы были тем частным домом, в котором крепла военная дружба. Может быть, поэтому разделение белых и черных только способствовало развитию настоящих мужских отношений, подчас доверительно семейных. Летчики прятали в укромных местах палатки неуставные вещи, такие как бутылку виски, либо просто еду: шоколадку, яйца. Однако, как признается пилот, чей товарищ погиб, «в ночь перед вылетом / ты выдаешь приятелю / свои тайники / так торжественно, / как человек, который диктует / завещание» (*On the night before a mission / you gave a buddy / your hiding-*

⁷ Фримен Филд – база ВВС США, где 5 апреля 1945 года афроамериканскими военнослужащими был поднят мятеж против систематических унижительных актов сегрегации со стороны белого командования черной 447 бомбардировочной группы. В мятеже приняло участие 162 черных офицера. Подробно история, причины, последствия и расследование представлены в документальном исследовании «Мятеж на Фримен Филд» [13].

⁸ *Spookwaffe* – производное от английского *spook* (гл. пугать; суц. призрак, лихач-водитель) и немецкого *waffe* (вооруженные силы), по аналогии с *люфтваффе* (нем.). Небезынтересно, что on-line словарь «Мультитран» в категории «сленг» дает следующий перевод слова «spook»: *общ.*: чернокожий, черномазый (*оскорб.*); *презрительно, негрит.*: белый [14]. Вероятно, что афроамериканские пилоты могли вкладывать всевозможные значения в этот свой «армейский неологизм».

places / as solemnly / as a man dictating / his will). После гибели товарища летчику остался его матрац, который не спускал воздух, а также все спрятанные вещи.

I found his chocolate,
three eggs, and a full fifth
of his hoarded-up whiskey.
I used his mattress
for the rest of my tour.

Я нашел припрятанный им
шоколад, три яйца, виски –
добрая пятая часть бутылки.
До конца службы
я спал на его матраце.

It still bothers me, sometimes:
I was sleeping
on his breath.

Мне и сейчас не по себе:
я спал на его
дыханье. (перевод – М. Корневой)

Дружба, вопреки сегрегации, возникала между белыми и черными военнослужащими. Конечно, это было скорее исключением, чем правилом, но, тем не менее, такие случаи имели место. В стихотворении «Астроориентировка» рассказывается об афроамериканском летчике, который по стечению обстоятельств, оказался единственным черным военнослужащим в команде, единственным черным военнослужащим на базе. Он был ответственным за навигацию, вся команда рассчитывала на него. «Если он спит, / они все спят. / Если он ошибется, / они разобьются» (*If he sleeps, / they all sleep. / If he fails, / they fall*). Естественно, что люди, доверяя ему свои жизни, проникались самыми крепкими чувствами, которые, в свою очередь, шли вразрез с официально принятым отношением к черным. Подобная противоречивость четко изображена в монологе одного из белых членов команды, который после игры в покер обращается к чернокожему однополчанину.

I love you, Nelson.
I never thought I could love
a colored man.
When we get out of this man's Air Force,
if you ever come down to Tuscaloosa,
look me up and come to dinner.
You can come in the front door, too;
hell, you can stay overnight!
Of course, as soon as you leave,
I'll have to burn down my house.
Because if I don't
my neighbors will.

Я люблю тебя, Нельсон.
Я никогда не думал, что смогу полюбить
цветного.
Когда мы выберемся из этих ВВС,
если ты придешь в Таскалусу,
найди меня и приходи на ужин.
Ты даже можешь войти через парадный вход,
да черт с ним, оставайся на ночь!
Конечно, как только ты уйдешь,
мне придется сжечь свой дом.
Поскольку, если я не сделаю этого,
то это сделают мои соседи.

После войны многие афроамериканцы предпочли остаться служить в армии, поскольку гражданская жизнь не предоставляла достойной работы цветным, несмотря на полученную за годы службы в армии или на оборонном предприятии квалификацию⁹. Боевых летчиков, заслуженных ветеранов оставляли работать на базах. Их работа после войны была порой не менее опасна, чем в военное время. В стихотворении «Носильщик» приводится случай, когда афроамериканскому пилоту поручают отогнать потерпевший аварию самолет на одну из авиабаз, а самому вернуться коммерческим рейсом. Это задание сопряжено с большим риском. «Это коварная штука / лететь на рухнувшем самолете. / Никогда не знаешь, где еще может быть неполадка» (*It's tricky business, / flying a plane that's been crashed. / You can never tell / what might still be wrong with it*).

Задание успешно выполняется. На обратном пути в гражданском аэропорту увещанного всевозможными наградами офицера седовласая белая леди просит помочь поднести багаж. Летчик соглашается, не видя ничего предосудительного в том, чтобы оказать помощь пожилому человеку. После того как

⁹ Комментарий историка Э.Л. Нитобурга: «Уже в начале 1945 г., по мере того как становилось ясно, что война в Европе шла к концу, среди темнокожих американцев стал расти страх потерять работу в связи с неизбежным по окончании войны переводом экономики на мирные рельсы. Огромная концентрация их к этому времени в оборонной промышленности сделала эти опасения весьма реальными. В 1945 – начале 1946 г. в пяти из обследованных Комитетом по обеспечению справедливого найма на работу семи центров военной промышленности гораздо большая доля темнокожих рабочих, чем белых, потеряла работу. Получить же новую темнокожий имел гораздо меньше шансов, чем белый рабочий. В начале 1946 г. комитет практически свертывал свою деятельность и вскоре был ликвидирован. В феврале 1946 г. почти 25% всех заявок на рабочую силу в частном секторе и 10% – на государственную службу несли на себе печать расовой дискриминации. Уровень безработицы среди темнокожего населения снова стал расти. Если темнокожему американцу и удавалось найти новую работу, то чаще уже не на том квалификационном уровне, что в годы войны. Ясно, что после того обучения, которое он прошел, квалификации и опыта, которые он приобрел за эти годы, даже такой темнокожий американец не был удовлетворен» [15, с. 323].

багаж был донесен, женщина протянула офицеру 10 центов в качестве чаевых. Не так шокирует тот факт, что летчик, человек уважаемой и романтической профессии, взяв десять центов, почувствовал стыд, о чем свидетельствует потупленный взгляд, а то, что она вообще их ему протянула. Белый человек, взявший помочь, получил бы устную благодарность. И это было бы нормально, но черный ветеран получает подачку и... принимает ее.

Смысл этого случая лучше раскрывается в сравнении с эпизодом в стихотворении «Аэродром Таскиги» в котором автор упоминает отношение гражданских афроамериканцев к соотечественникам в форме. С одной стороны «смущающее низкопоклонство» (*embarrassing adulation*) черных и унижительное пренебрежение к человеческому достоинству со стороны белых гражданских.

На фоне того, что в стихотворениях наглядно констатируется отсутствие изменений в отношении к афроамериканцам со стороны белых (даже частный случай проявления уважения и любви в «Астроориентировке»), в конечном счете, указывает на бесперспективность дружбы), автор показывает, что изменилось в ее восприятии собственной расы, какие сдвиги произошли в самовосприятии и самоосмыслении черных граждан Америки. Сегрегированной жизни, огражденной кварталами гетто и табличками «для цветных», противопоставляется обретение второй родины, если можно так выразиться, земли и небес обетованных. Теперь есть путь наверх благодаря «Этим мужчинам, / этим гордым черным мужчинам: / нашим первым коснувшимся / своими пальцами неба» (*These men, / these proud black men: / our first to touch / their fingers to the sky*) – «Аэродром Таскиги».

Афроамериканским пилотам сразу стало понятно, что у неба свои законы, что в жизни наверху, полной своих опасностей, они обретают свободу, что для неба все равны: и черный и белый. Там, в кабине самолета становится очевидным, что в небе нет места расовым предрассудкам. Небо обнажает именно те качества, которые делают человека человеком, в небе нетрудно доказать, что этими качествами черные обладают наравне, а кое-где и в большей степени, чем белые: ведь у первых было больше оснований сражаться за демократию, сражаться с нацизмом, возведшим расовое превосходство в ранг государственной идеологии. Поэтому сами исконные «жители неба» в поэзии Мэрилин Нельсон становятся друзьями пилотов, и также становятся близки всем черным, которые возлагают надежду на своих летчиков. Это и ветер и звезды, и сами самолеты (Носильщик).

Suddenly
when I hear airplanes overhead –
big, silver ones
whose muscles fill the sky –
I listen: That sounds like
someone I know.
And the sky
looks much closer.

Внезапно,
когда я слышу самолеты над головой –
большие, серебристые,
чьи мускулы заполняют небо –
Я слушаю: они звучат так, как
кто-то, кого я знаю.
И небо
выглядит ближе.

Достаточно интенсивно автор проживает жизнь своей новой семьи, семьи открывшей небо для своих собратьев. И само – ранее недостижимое – небо становится обжитым. Под звездами, изменившими оттенок своего, как казалось до того, исключительно белого цвета, подразумеваются, видимо, также звезды национального флага США. Можно предположить, что для создания подобного эффекта в предыдущем стихотворении (Астроориентировка) приводится длительное скрупулезное описание работы навигатора. Бортовой команде только звезды могут помочь сориентироваться в ночном небе, и от того, насколько хорошо навигатор будет их знать, как точно понимать их характеристики (расположение, яркость и проч.), зависит, в конечном итоге, успех операции и жизнь экипажа. Отношения неба и экипажа, пилотов и ожидающих их возвращения, героев и следующих поколений ощущаются близкими и непосредственными.

I know my intimacy, now,
with the wheel and roar
of wind around wings.
Hello, wind.
Take care of my people.
The moon and stars
aren't so white now;
some of my people
know their first names.
Hey, Arcturus.
What's happening, Polaris?

Я знаю эту тесную связь теперь,
со штурвалом и рёвом
ветра вокруг крыльев.
Привет, ветер.
Береги моих людей.
Луна и звезды
отныне не такие белые;
многие из моих людей
знают их по имени.
Привет, Арктур.
Как дела, Полярная звезда?

Звезды как бы откликаются, позволяют себя узнать, и тем самым становятся союзниками, помощниками обживающим небо. Насколько значительным свершением стало покорение афроамериканцами неба, свидетельствует то, насколько расширились время и пространство в воспоминаниях девочки. Сначала происходит переосмысление прошлого (а война для героини это уже прошлое) в отношении своих корней. Не только Африка, историческая родина чернокожего населения Америки, но уже небо становится тем культурным слоем, откуда начинается отсчет новой жизни, возможно, жизни свободных людей. И это понимание называется «другим наследием», судьбой «второй семьи», «нового племени». В этих строках явно прослеживается желание обновления, надежды на то, что в небо, как в реку, канет расизм со всеми его бесчеловечными проявлениями.

This is my other heritage:
I have roots in the sky.
The Tuskegee Airmen
are my second family.
This new, brave,
decorated tribe.

Это мое другое наследие:
У меня есть корни в небе.
Пилоты Таскиги –
моя вторая семья.
Это новое, храброе,
орденоносное племя.

Чтобы увидеть все то, чем наградили своих соотечественников летчики-афроамериканцы, «я только должна была взглянуть вверх» (*I only had / to raise my eyes*). Говоря о войне, в произнесении слов благодарности стало общим местом, удобным клише выражение «спасибо за мирное небо»; в случае с черным населением США это мирное небо становится еще и свободным, каковым оно ранее не являлось. Да и после войны свободным оно еще не было, но, оглядываясь назад, в ретроспективе Мэрилин Нельсон понимает, в чем собственно была заслуга этих пилотов Таскиги. Нанося удар за ударом авиации нацистов, они тем самым раз за разом подрывали устоявшийся расизм, и пускай полностью его подорвать им не удалось за военную кампанию, но цели были намечены именно ими. Поэтому, в конечном итоге, автор задается вопросом: что она может сделать в качестве благодарности за эту новую жизнь, за обретенные «родные края» (*homeplace*), что можно сделать, чтобы хоть отчасти походить на тех, кто эту свободу отстаивал для нее?

Tuskegee Airmen
uncles of my childhood,
how shall I live and work
to match your goodness?
Can I do more
than murmur name upon name,
as the daughter
of a thousand proud fathers?

Пилоты Таскиги,
дяди моего детства,
как следует мне жить и работать,
чтобы соответствовать вашей благодати?
Могу ли я сделать большее, чем
прошептать имя за именем
как дочь
тысячи гордых отцов?

При обращении к контексту творчества автора, становится очевидным, что ответ на этот вопрос состоит в самом характере творчества Мэрилин Нельсон. Автор нескольких книг поэзии для детей¹⁰, поэтесса и во многих своих «взрослых» произведениях использует сюжеты из детства. В стихотворении «Мое открытие поэзии» («How I Discovered Poetry» [8, p. 66]), в тексте, не относящемся к войне, но касающемся сути вопроса о том, что может сделать, в свою очередь, поэт для тех, кто действительно сражался за провозглашенные США идеалы, говорится о том, что такое «сила слов, слов набат», что происходит, когда на себе ощущаешь их действие. Девочке, единственной черной в белом классе (схожая ситуация в сюжете «Астроориентировки»), учительница предлагает рассказать стихотворение. В тексте намеренно опускается название заданного на дом произведения, однако известно, что стихотворение было о чернокожих детях.

She smiled when she told me to read it, smiled harder,
said yes I could. She smiled harder and harder
until I stood and opened my mouth to banjo playing
darkies, pickaninnies, disses and dats. When I finished
my classmates stared at floor. We walked silent
to the bus, awed by the power of words.

С улыбкой сказала: «Читай», – улыбнулась шире,
говоря, да, ты можешь. И все шире и шире
улыбалась, пока я не встала и, раскрыв рот, не выпустила
цветных, играющих на банджо, негрятят, их «обои» и «дак».
Я дочитала – весь класс уставился в пол. Мы молча шли
на автобус, потрясённые силой слов

(перевод – М. Кореневой).

Стихотворения в цикле «Крылья» расположены хронологически: от подготовки черных пилотов до послевоенных лет. Крылья, несмотря на то, что их постоянно подрезало белое военное командование,

¹⁰ Последняя книга «Snook Alone» вышла в 2010 году.

все-таки были обретены черными пилотами в реальности. Летчики-афроамериканцы доказали, что не просто могут летать, но также и то, что их полет виртуозен. Крылья к тому же олицетворяют надежду на то, что черное население США «взлетит» и получит наконец-таки те права и свободы, за которые они сражались не только на родине. К сожалению, пройдет еще несколько лет, прежде чем президент США Гарри Трумэн подпишет Исполнительный приказ № 9981 (1948 год)¹¹ о равных возможностях и обращении в вооруженных силах, несколько лет, пока он начнет реально действовать, и несколько десятилетий, прежде чем равные права и возможности станут действительностью и для гражданского общества Америки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Nelson, M. *The Homeplace / Marilyn Nelson Waniek*. – Baton Rouge: LSU Press, 1990. – 54 p.
2. Нитобург, Э.Л. *Афроамериканцы США и Вторая мировая война / Э.Л. Нитобург // Новая и новейшая история*. – 2006. – № 3. – С. 30 – 46.
3. Homan, L.M. *Tuskegee Airmen. American Heroes / L.M. Homan, T. Reilly*. – Gretna: Pelican Publishing, 2002. – 96 p.
4. Dryden, C.W. *A-train. Memoirs of Tuskegee Airmen / C.W. Dryden, B.O. Davis*. – Tuscaloosa: The University of Alabama Press, 2002. – 400 p.
5. Francis, C.E. *Tuskegee Airmen. The Men Who Changed A Nation / C.E. Francis: edited, revised, up-dated, and enlarged by Adolph Caso*. – 4th ed., up-dated and enl. – Boston: Branden Publishing Company, 1997. – 496 p.
6. Varens, K. *Marilyn Nelson Waniek / K. Varens // Contemporary American women poets: an A-to-Z guide*. Ed by Catherine Cucinella. – Westport: Greenwood Press, 2002. – 402 p.
7. *Современная американская поэзия: Антология / Сост. Э. Линднер*. – М.: ОГИ, 2007. – 504 с.
8. Nelson, M. *The Fields of Praise: New and Selected Poems / M. Nelson*. – LSU Press, 1997. – 209 p.
9. *Every shut eye ain't asleep: an anthology of poetry by African Americans since 1945 / Ed. by M.S. Harper, Anthony Walton*. – NY: Little, Brown & Co, 1994. – 327 p.
10. *The Vintage book of African American poetry / Ed. by M.S. Harper, Anthony Walton*. – NY: Vintage Books, 2000. – 403 p.
11. Heflin, K. *Marilyn Nelson / K. Heflin // Contemporary American ethnic poets: lives, works, sources*. Ed by L.E. Collum. – Westport: Greenwood Publishing Group, 2004. – 326 p.
12. Венедиктова, Т.Д. *Литература США / Т.Д. Венедиктова // История зарубежной литературы (1945 – 1980) / Под ред. Л.Г. Андреева*. – 2-е изд., перераб. – М.: Изд-во МГУ, 1989. – С. 124 – 167.
13. Warren, J.C. *Freeman Field Munity / J.C. Warren*. – The Michigan University Press, 1995. – 213 p.
14. *Мультиран. Электронный словарь. [Электронный ресурс]*. – 2011. – Режим доступа: <http://www.multitran.ru/c/m.exe?CL=1&s=spook&I1=1>. – Дата доступа: 13.03.2011.
15. Нитобург, Э.Л. *Афроамериканцы США. XX век: этноисторический очерк / Э.Л. Нитобург*. – М.: Наука, 2009. – 583 с.
16. Westheider, J.E. *The African American experience in Vietnam: brothers in arms / J.E. Westheider*. – Lanham: Rowman & Littlefield, 2008. – 177 p.
17. Westheider, J.E. *Fighting on Two Fronts: African Americans and the Vietnam War / J.E. Westheider*. – NY: New York University Press, 1999. – 320 p.

---

¹¹ Исполнительный приказ № 9981 (26.07.1948) [цит. по 16, p. 122 – 123]. Комментарий историка Дж. Вестхейдера: «Десегрегация военной сферы, проводимая Трумэнном, была, возможно, самым многообещающим изменением, так как касалась не только солдат, но и гражданских, которые работали на военных базах, большинство из которых были расположены на юге. Десегрегация не завершилась вплоть до 1953 года, и десегрегация не положила конец дискриминации, но она в действительности означала то, что правительство взяло на себя обязательства по соблюдению равноправного отношения в вооруженных силах, вследствие чего многие черные стали рассматривать армию как хорошую карьерную возможность. Многие белые южане, сражавшиеся в десегрегированных воинских частях во время войны в Корее, начинали изменять свое мнение о способностях афроамериканских солдат» [16, p. 122]. «Борьба на два фронта» продлится в следующей военной кампании, где по мнению того же историка «афроамериканцы в действительности сражались на два фронта во время войны во Вьетнаме, и они, по крайней мере, одержали победу над расизмом на одном фронте во время безупречной и честной службы на втором» [17, p. 176].